

ІСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧНІ АСПЕКТИ ЛІТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕСУ

УДК 821.133.1.05

Н.Т. ПАХСАРЬЯН,

*доктор филологических наук,
профессор кафедры зарубежной литературы филологического факультета
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова*

«ВТОРОЙ ПОЛ» СИМОНЫ ДЕ БОВУАР И СУДЬБЫ ФЕМИНИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье исследуется социокультурный и литературоведческий смысл понятия «феминизм» во французской культуре. Анализируются варианты и формы феминизма во французской литературе XX в. Определяется специфика гендерной проблематики в книге С. де Бовуар «Второй пол».

Ключевые слова: феминизм, прециозность, экзистенциальный феминизм, гендерная проблематика.

Слово «феминизм» относительно новое: хотя некоторые справочники до сих пор называют его автором известного утописта Ш. Фурье (1772–1837), который, помимо склонности к созданию неологизмов, был среди тех, кто участвовал в формировании первого женского движения 1830-х годов, однако более тщательная проверка показала, что в тексте его сочинений это слово отсутствует. На самом деле понятие «феминизм» первоначально появилось как медицинский термин в диссертации 1871 г., защищенной Ф.-В. Фано де ла Куром, под названием «О феминизме и инфантилизме у туберкулезных больных» и только позже вошло в политическую лексику конца XX в. [1] В это же время возникло и прилагательное «феминистический»: с первоначальным значением «недостаток мужественности» и как негативный эпитет его употребил Александр Дюма-сын в своем памфлете «Мужчина-женщина» (1872), а в положительном смысле этим словом в 1882 г. воспользовалась суфражистка Юбертина Оклер.

Как бы то ни было, терминологическое понятие «феминизм» стало использоваться регулярно только во второй половине XX в. Однако история этого явления уходит корнями в древность [2]. Исследователи феномена начинают его анализ с античной Греции, вспоминая прежде всего классический период афинской демократии, подругу Перикла Аспазию, философские идеи Сократа, поэзию Сафо, «Медею» Еврипида и комедию Аристофана «Лисистрата»¹. Тем самым еще в период своей «праистории» феминизм как идейная позиция оказывается открытым для того, чтобы ее разделяли не только женщины, но и мужчины [3].

Во Франции феминизм имеет, пожалуй, самую долгую и едва ли не самую яркую литературную историю [4], что определено не только социокультурными условиями страны, но и собственно лингвистическими особенностями французского языка, в котором суще-

¹«Феминистическое движение, начало которого мы относим ко времени Пелопонесской войны, по-настоящему изменило греческое общество, хотя женщины никогда не получали в греческих полисах никаких политических прав», – делает вывод Р. Фласельер (Ibid. P. 705).

стает четкое грамматическое определение рода и поддерживается терминологическое различие между грамматическим мужским/женским родом (*genre*) и биологическим полом (*sexe*). Кроме того, понятие «род» (*genre*) несет в себе далеко не только грамматический, но и социокультурный смысл. Так, Корнелий Агриппа еще в XVI в. говорил о «*genre masculin*» и «*genre féminin*» не в грамматическом, а в социальном аспекте [5]. В силу этого обстоятельства обращение французских писателей к проблеме «женского удела», судьбы «женского рода» рано приобрело «гендерное» содержание. Французская поэтесса конца XIV – начала XV в. Кристина Пизанская вошла в ряды ранних предшественниц феминизма как своими художественными творениями (ее написанный по-латыни «Дамский город», проникнутый христианским морализмом, содержал одновременно внутреннюю полемику с женоненавистническими идеями написанной Жаном де Мёном части «Романа о Розе»), так и жизненным поведением, поскольку ее политическая и социальная активность ломала средневековые стереотипы женского удела. При этом нельзя сказать, что феминистическое движение всегда развивалось по восходящей. Например, в эпоху Возрождения, в XVI в. принятые под давлением зарождающегося гуманизма два эдикта французского парламента, усилили социальную «второстепенность» женщин, отобрав у них права, которыми они ранее, в средние века, пользовались – в частности, право на выборы², на равное с мужчинами образование [6, с. 130], заключив их в круг «женских» занятий – вышивание, тканье ковров, рисование, пение. В XVII в. определились две основные противоположные тенденции. С одной стороны, в 1622 г. появился трактат мадам де Гурне «Равенство женщин и мужчин», а в конце 1640-х – 1650-е годы возникла прециозность – движение, которое признается прообразом современного феминизма [7], с другой – именно тогда различие между «мужским» и «женским» приобрело характер оппозиции, аналогичный противостоянию «природы» и «культуры». Развивая эту аналогию, руссоизм эпохи Просвещения подчеркивал, что образование, культура не нужны женщинам, ибо они не адекватны их природе, им самим как воплощению природного начала. Впрочем, полагает К. Оффен, во Франции подобная «натурализация женского» никогда не имела полного успеха, ибо всегда были популярны идеи о цивилизующей роли женщин, т.е. представление о том, что культура – это именно женская епархия [8, с. 295].

Если на заре Нового времени феминистические настроения играли все более немаргинальную роль, то тем более существенное место заняли в общественной жизни женские движения XIX–XX столетий. Модернизация жизни, отстаивание прав женщин привели к тому, что «натурализация» традиционного места и роли женщин в обществе стала рушиться. Женские движения этого периода проявили себя прежде всего в политической сфере: исследователи отдают должное деятельности Мари-Олимпы де Гуж, создавшей гендерный аналог «Декларации прав человека и гражданина», не включавшей в текст избирательного права женщин, – «Декларацию прав женщины и гражданки» (1791)³, а также Флоре Тристан и Юбертине Оклер. На рубеже XIX–XX вв. набирает силу суфражизм – движение за право женщин голосовать. Этот политико-социальный пафос определяет и феминистические движения 1920-х – 1930-х годов. В 1950-е – 1960-е гг. феминизм сосредотачивается на вопросе более общей социальной дискриминации женщин, стремится перевести женщину из маргинального положения в социуме в центральное и в общественно-экономическом, и в семейно-бытовом плане. В начале 1970-х годов, когда были приняты несколько важных законов, улучшающих положение женщин (упрощение процедуры развода, право на аборт и др.), женские движения были институционализированы, параллельно с этой социальной борьбой ученые отмечают наступление эссенциалистической формы феминизма, взявшей на вооружение защиту «женственности», культивирующего гендерные различия женщин и мужчин, признавая их биологически обусловленными. Специ-

²Это право на участие женщин в выборах было отменено декретом французского парламента от 1498 г. – подробнее о женщинах в средневековом обществе см.: Pernoud R. *La Femme au temps des cathédrales*. P. : Stock, 1980.

³Однако равенство полов было закреплено во французской Конституции только в 1946 г., незадолго до появления «Второго пола», а между законодательно закрепленным избирательным правом мужчин (1844) и женщин (1944) прошло сто лет.

алисты выделяют в XX ст. эгалитарный либеральный феминизм, социальный и марксистский феминизмы, радикальный феминизм, экзистенциальный и эссенциалистский феминизмы... и т. д., и т. п. В период расцвета постмодернизма, т. е. в 1980–1990-е гг. количество вариантов феминизма становится поистине необозримым [9].

Литературный феминизм также начал активно формироваться во Франции в XIX столетии⁴, особенно ярко – в творчестве Ж. де Сталь и Жорж Санд, однако следует заметить, что только в 1904 г. впервые было учреждено жюри литературной премии, состоящее исключительно из женщин. Что же касается членства во Французской академии, то первой – и не без споров – в нее была принята Маргерит Юрсенар, и случилось это только в 1980 г.

Обилие вариантов и форм феминизма XX в. сочетается со своеобразным чередованием «приливов» и «отливов» этого движения, с некоторой последовательностью его «волн». Выход в 1949 г. книги Симоны де Бовуар «Второй пол» стал ярчайшей вехой в истории «второй волны» феминизма и важнейшим переломным моментом этой истории. По существу, именно Бовуар, хотя она и использовала в названии слово «sexe» (а не «genre»), придала женскому вопросу подлинно гендерный⁵, социокультурный характер. Впервые проблема эмансипации женщин осмыслялась столь глобально, «охватывала историю, мифологию, культуру, сексуальность» [10, с. 99]. И одновременно впервые феминизм приобрел столь явный личностный характер. Как пишет Элен Эмон, «редко когда книга, написанная женщиной о женщинах, бывает способна вызвать столь жаростные споры» [11, с. 13]. В первую же неделю после публикации было продано 20 тысяч экземпляров «Второго пола», за короткое время ее перевели на 121 язык⁶. Книга вызвала возмущение католической церкви (Ватикан занес «Второй пол» в Индекс запрещенных книг) и восторг сторонников признания прав женщин, она заставила говорить о себе самые известные журналы и газеты, в полемику включились самые большие знаменитости тех лет – Жюльен Бенда, Франсуа Мориак, Эмманюэль Мунье, Роже Нимье и др. Впрочем, полемика вокруг «Второго пола» сопровождает книгу вплоть до сегодняшних дней: не случайно, когда через пятьдесят лет после публикации К. Роджерс опубликовала интервью с одиннадцатью известными французскими феминистками 1990-х годов – Ф. Армэнго, Э. Бадинтер, Ш. Шаваф, К. Дельфи, К. Готье, Ж. Алимми, С. Кауфман, Ю. Кристевой, А. Леклер, М. Ле Дёф и М. Перро, она назвала сочинение Бовуар «наследием, вызывающим восхищение и возмущение» [12].

Споры касались наиболее новаторских черт сочинения Симоны де Бовуар: ей удалось повернуть к гендерной проблематике философию экзистенциализма, соединить две по существу враждующие теории – марксизм и психоанализ, но принимая полностью положения ни одного из них, но кроме того – продемонстрировать, что «возможно быть интеллектуалкой и иметь любовные романы» (Жаклин Фельдман). Идеи Бовуар демонстрировали ее глубокое знание философских течений прошлого и настоящего (Гегеля, Маркса, Ницше, Фрейд и др.) и одновременно интеллектуальную независимость даже от Сартра, с которым она, по общему признанию, вела постоянный диалог [13] и по отношению к которому сохраняла оригинальность своих воззрений.

Симона де Бовуар не намеревалась в идейном плане демонстрировать непрерывность связи с суфражизмом и другими женскими движениями довоенной поры, которые, как полагают специалисты, переживали тяжелый кризис [14]. Она повела разговор, пре-

⁴Как справедливо отметила П. Констан, в XVII–XVIII вв. дамы избегали того, чтобы их имена связывались с литературным творчеством (Constant P. Qu'est-ce qu'une femme qui écrit? // Conférence à l'Ecole polytechnique de Zurich (Suisse) le 24 mars 1999. Mode of access : <http://www.pauleconstant.com/docs/UFQF.pdf>). Отсюда – желание публиковать свои сочинения анонимно, под псевдонимами, под видом переводчиков и отказываться от авторства, когда его все-таки обнаруживают (случай мадам де Лафайет).

⁵Обычно утверждают, что понятие «гендер», как и гендерные исследования родились в американской науке. О французских корнях «гендера» см.: Offen K. Le gender est-il une invention américaine? // Clio. 2006. № 24. P. 291–304.

⁶Так, на английский язык «Второй пол» был переведен уже в 1952 г. Русский перевод, однако, появился довольно поздно – в 1998 г. Книга до сих пор запрещена в Иране. Стойкий интерес ко «Второму полу» проявился и в том, что при постоянных переизданиях книги даже через 30 лет, в 1978 г. она была распродана только во Франции в количестве 38 тысяч экземпляров.

жде всего, о личном выборе современной женщиной ее жизненного поведения⁷. Причем, ей было необходимо подчеркнуть не наличие «вечно женственного», а общность, универсальность человеческой природы [15], демистифицировать так называемый «женский удел». Это сделало закономерным приход Бовуар в 1970-е гг. в ряды феминисток (которых она выслушивала, поддерживала, но никогда не поучала, по словам Кристины Дельфи [16]) однако не означало, что в 1949 г. она ставила перед собой задачу написать феминистический труд, а не более универсальное философско-социальное исследование. С точки зрения С. де Бовуар, если мужчины в процессе социального опыта формируются в субъектов, то женщины предназначены выполнять роль «второго пола», репрезентируют прежде всего свой «genre», гендер. Ключ социального подавления женщины она видит во внушении обществу идеи о том, что биологическая половая принадлежность – это судьба, что женщина обречена на инертность, на неизбежное репродуцирование, а не изменение, как мужчина. В силу этого порыв женщин к свободе обуславливает восстание плоти, отказ быть только плотью. И одновременно этот порыв, полагает Бовуар, требует откровенного обсуждения, проблематизации вопросов плоти и женской сексуальности. В момент появления «Второго пола» («Le deuxième sexe»), когда вообще не было принято публичное обсуждение сексуальных проблем, само слово «sexe», помещенное в заглавие книги, производило сильный эпатажный эффект [17, с. 110].

Как выразилась на 60-летнем юбилее выхода книги С. де Бовуар Ю. Кристева, «Второй пол» «создал скандал и школу» [15]. Действительно, писательницы-феминистки откликнулись на книгу С. де Бовуар своеобразными ответами-продолжениями бовуаровской рефлексии: среди них – «Комплекс Дианы» (1951) Франсуазы Обонн, «Последняя рабыня» (1956) Тайд Монье, «Время женщин» (1958) Селии Бертен и т. п. Эти более молодые последовательницы С. Де Бовуар, в отличие от нее самой (которая «без славы Ж.-П. Сартра не имела бы такого авторитета» [19, с. 104]), строили свою карьеру, не будучи обязанными ни мужьям, ни друзьям-мужчинам, однако строили ее в значительной степени по бовуаровским «лекалам».

Но дело не ограничилось только воздействием на французскую культуру. По верному утверждению Карен Оффен, «красноречивая формула Симоны де Бовуар – «Женщиной не рождаются, ею становятся» – вдохновила многих читательниц по обе стороны Атлантики» [8, с. 291].

Специфика этого вдохновения достаточно сложна. С одной стороны, «Второй пол» многими признается «Библией феминизма» [20, с. 23], «краеугольным камнем» феминистического движения. Эти оценки были особенно актуальны для феминизма 1960-х и начала 1970-х годов, когда шел процесс роста и институционализации женских социальных движений: по наблюдениям С. Шаперон, в этот период произошла демографическая стагнация, матримониальные ценности были поставлены под вопрос, увеличилось число разводов, женская активность переместилась из дома на работу [21, с. 62]. В это время слова автора «Второго пола» о том, что женщина должна стремиться к «экономической независимости, ... достижению собственных целей», к «непосредственной связи с обществом» [22, с. 755], ее идеи «трансцендентной женщины», ломающей границы традиционной женской судьбы, ее критика мифологизации материнства и т. п. рассматривались как фундамент и теоретическая основа движения феминисток. Как заметила К. Сент-Илэр, «в 1970-е гг. содержание дихотомии секс/гендер было ясным: речь шла о том, чтобы разорвать связь между биологическим полом и характером мужчины и женщи-

⁷Не случайно феминизм Бовуар часто называют «личностным» (personnel). Не случайно также, что вторым по степени влияния называют одно из автобиографических сочинений писательницы – «Воспоминания благонаправленной девицы» (1958). Замечу, что принятый у нас перевод («Воспоминания благовоспитанной девицы») неточен не только формально-лексически (во французском заглавии стоит слово «rangée», а не «honnête»), но и по существу, поскольку понятие «благовоспитанности» в культуре Франции имеет особые коннотации, не столько «буржуазные» (как в семье Симоны), сколько «аристократические». См. подробнее: Stanton D.C. The aristocrat as art: a study of the honnête homme and the dandy in seventeenth and nineteenth-century French literature. Columbia: Columbia Univ. Press, 1980.

ны, выявить социокультурные параметры половой идентичности, противопоставить социальные отношения или конструкции полов идее натуральности различий между мужским и женским, короче, показать, что гендер не обязательно порождается биологическим полом» [23, с. 63].

С другой стороны, как сама С. де Бовуар не рассматривала изначально свою книгу в качестве феминистического сочинения, так и некоторые феминистки «второй волны» и более поздних поколений полагали, что «Второй пол» представляет собой скорее антифеминистическое сочинение, так как рассматривает «женственность» как недостаток, который необходимо в некотором смысле устранить. Пафос эссенциалистского феминизма 1970-х годов состоял в утверждении различия между полами, а не в поисках социального равенства⁸. В частности, Франсуаза Коллен, основательница первого феминистского журнала «Кайе де Гриф» в 1973 г., утверждала, что даже не смогла прочесть «Второй пол» до конца и нашла в ней только «пуританство и отрицание женского». Современные сторонники эссенциализма находят в книге «воспроизведение известных стереотипов», созданных давлением на писательницу груза «мужской культуры»: «Она воспроизводит обычные клише суждений о литературной продукции женщин: это обращение к так называемым доэстетическим формам – письмам, дневникам, т. е. к жанрам, ограниченным субъективностью, больше рисующим атмосферу, а не создающим историю... в женском языке конкретно чувственного больше, чем абстрактной эlegantности, его царство – природа» [15].

Оценки подобного рода, однако, не вполне адекватны основным идеям «Второго пола». Стремясь заставить мужчин признать равенство с ними женщин, Бовуар отнюдь не предполагала тождества полов⁹, при том, что весьма решительно утверждала необходимость для женщин «стать такими же умными», как и мужчины [24, с. 255]. Тем самым она вступала в полемику с теми, кто, начиная, по крайней мере, со св. Августина, полагал, что женский разум более слаб, чем мужской, и, стало быть, считал закономерным подчиненное положение женщин в общественной жизни. В эту линию, в частности, вполне вписывается и психоанализ, поскольку он трактует женщину как «кастрированного мужчину», приписывая ей непреодолимое ощущение жертвы и, как следствие, «естественную», природную, врожденную слабость рационального начала: «Мужчина это интеллект, женщина – чистый инстинкт» [25, с. 770]. Указывая на сексизм подобных представлений, канадская исследовательница одновременно говорит об их популярности в период развития постмодернистского феминизма: «Сегодня утверждения обусловленного полом феминитюда¹⁰ как процесса, формирующего натуру, подхватывают эту идею (превосходства женской чувственности, инстинктивности над мужской рациональностью – Н.П.), укрепляя презрение к постулату, унаследованному от Симоны де Бовуар, почти век тому назад провозгласившей, что женщиной не рождаются, а становятся» [25, с. 771].

Постмодернистский феминизм (или феминизмы, как предпочитают говорить те исследователи, которые подчеркивают его необычайное разнообразие) 1980-х годов не только не прошел мимо «Второго пола», но и интенсифицировал споры вокруг книги. С одной стороны, неверие постмодернизма «в Истину, Объективность, Универсальность» [26, с. 44] усиливало критическое отношение к бовуаровскому универсализму. Естественно, поэтому, что по наблюдению С. Шаперон, «с конца 1980-х годов мы, несомненно, присутствуем при своего рода возвращении к битве со «Вторым полом» и его автором. Легко высказываются критические, а то и горькие суждения» [27, с. 27]. С другой, деконструкция дихотомии равенство/различие полов, как и всяких оппозиций и иерархий, способствовала более терпи-

⁸Это, в свою очередь, вызывает у некоторых сторонников феминизма как борьбы за равенство между полами обвинение эссенциалистов в антифеминизме. Так, по мнению мужчины-сторонника феминизма Т. Лансело-Вьянне, «быть феминистом значит оспаривать эссенциалистские теории, оправдывающие подчиненность женщин» (Lancelot-Viannais T. Le féminisme au masculin. Entretien avec M. Maruani et Ch. Rogerat // Travail : genre et société. 2001. N 5. Mars. P. 8).

⁹«Отрекаясь от женских свойств, женщина не приобретает мужских» (Бовуар С. де. Второй пол... С. 761).

¹⁰Это слово, образованное по аналогии с «негритюдом» обозначает совокупность сходных с последним идей самобытности, самодостаточности, исключительности – но не расовой, а половой, является обозначением одного из течений постмодернистского феминизма.

тому отношению постмодернизма к основным положениям Бовуаровской книги, к понятию двойственности и неоднозначности ее позиции.

Действительно, несмотря на часто повторяющиеся инвективы, книга Симоны де Бовуар отнюдь не однозначно трактует те категории, которые относят к сфере женского. С ее точки зрения, подлинная женственность связана с понятием «трансцендентности»: «только в активной, производительной деятельности женщина обретает свою трансцендентность. Только реализовав свои собственные проекты, она самоутверждается как реальный субъект, соотнося свою деятельность с достижением поставленных целей; добываясь денег и прав, она обретает себя и испытывает чувство ответственности» [22, с. 759]. В интервью, данном в середине 1960-х годов, писательница выражается еще яснее: «Что важно, так это не впадать в абстрактный феминизм, отрицая, например, существование женственности под предлогом того, что она – не данность природы, а факт культуры: я решительно против этого! Утверждать, что больше не существует различия между мужчинами и женщинами, поскольку у них сегодня равные шансы и равная свобода, это абсолютно глупо» [24, с. 263].

Пожалуй, среди «эссенциалистских» феминисток только Ю. Кристева практически без оговорок приняла бовуаровскую идею женской «трансцендентности», увидев в ней проявление свободы как несогласия и выход за собственные пределы и сформулировав свои намерения как добавление собственных идей к идеям автора «Второго пола», а не опровержение их или противостояние им [18]. Вместе с тем, по мнению Ю. Кристевой, С. де Бовуар дебиологизирует женщину своим утверждением, что «женщиной не рождаются», тогда как развитие биологических наук позволяет утверждать, что женщиной именно рождаются, что не означает автоматически рождения личности, женское «я» лишь после рождения переживает постепенное становление. Более того, Ю. Кристева выступает против того, что она называет бовуаровским «отвращением к органическому телу». Концепция женского тела во «Втором поле» является объектом критики у всех феминисток, вошедших в литературу с 1970-х годов. Наиболее известные из них – Элен Сиксу, Юлия Кристева и Люс Иригарэ.

По мнению японского исследователя Яцуэ Икасаки, «эгалитарный феминизм» Бовуар, откровенный разговор «фаллической женщины» о женской сексуальности, о контрацепции и аборт, универсалистские устремления «Второго пола», т. е. стремление доказать социальное и интеллектуальное равенство с мужчинами¹¹ выразительно противостоят теориям дифференцирующего феминизма, представленного названными фигурами [20, с. 27–28]. Основательница (1976) и руководительница Центра изучения женщин, влиятельный теоретик феминизма Элен Сиксу жаждет в своем творчестве продемонстрировать «то, что ни один мужчина испытать не может» [28, с. 61] уже по причине специфики женской телесности: «Жизнь становится текстом посредством моего тела. Я сама уже являюсь текстом. История, любовь, насилие, время, работа, желание вписаны в мое тело, я предоставляю себя для того, чтобы слышать «фундаментальный язык», язык-тело, в которое переводятся все языки предметов, действий и людей в моей собственной груди, совокупность реального, вошедшего в мою плоть, воспринятого моими нервами, чувствами, активностью клеток и спроецированного, проанализированного, перестроенного в книгу» [28, с. 57].

Если анализ женского тела в книге Бовуар, строился на парадоксе: «тело обретает смысл, выработанный духом, свободой, проектом, и эти элементы располагаются со стороны трансценденции, тогда как само тело располагается неизбежно со стороны имманенции, превращая женщин – и только их одних (хотя не только женщины обладают телом) – в вид, а мужчин в индивидуумов» [29], то Э. Сиксу трактует женское тело иначе. По точному суждению М. Стиструп Йенсен, Сиксу не рассматривает его как орудие угнетения, напротив, тело у нее становится преимуществом, способствует рождению «женского письма» [15]. Это понятие, впервые появившееся в текстах Э. Сиксу в 1975 г., быстро приобрело популярность, но требует некоторого пояснения. «Женское письмо» – не любой текст, написанный особой женского пола, а гендерный феномен, предполагающий, во-первых, уси-

¹¹«Для того, чтобы стать полноценным, равным мужчине индивидом, женщине должен быть доступен мир мужчин так же, как мужчине доступен мир женщин» – Бовуар С. де. Второй пол...С. 763.

ление устности, «орализацию языка», во-вторых, тесную связь «языка» и «тела», в-третьих, «деперсонализацию» как специфически женскую способность открыться навстречу другому. С точки зрения Э. Сиксу, как только женщины возьмут слово¹², творя «письмо» «телом», «женское воображаемое» активно вторгнется в язык¹³.

Ю. Кристева критически относится, прежде всего к трактовке Бовуар материнства как инстинкта, реализация которого отбрасывает женщину назад, к несвободе: «Анализировать материнство как мазохистскую обязанность, возложенную на женщин, как это делает Симона де Бовуар, кажется мне действием, принадлежащим ушедшей эпохе» [12, с. 198]. При этом она, в отличие от Э. Сиксу, не принимает идеи «женского письма», противопоставляет процесс «материнской семиотики» «символическому» социальному языку, который предстает «отцовским», и полагает, что «женское» выявляется лишь в разрывах «символического».

Люс Иригарэ, по мнению Ясуэ Икасаки, больше, чем Сиксу или Кристева, опирается на идеи Симоны де Бовуар: она, как и ее предшественница, видит в социальном устройстве общества принципы патриархата, где универсальным субъектом является исключительно мужчина [20, с. 29]. Но если автор «Второго пола» полагает необходимым вовлечь женщин в сферу универсального, то Иригарэ, критикуя универсализм, отказывается от него как от пути утраты женской специфичности. Она стремится не к социальному освобождению женщин, а к освобождению «женственности» от патриархального дискурса: «Вступление женщин в публичный мир, социальные отношения между ними и мужчинами требуют культурных, в частности, лингвистических изменений» [30, с. 77]. С точки зрения Л. Иригарэ, единственное место, в котором может публично выразить себя женщина, это мистический дискурс: в нем особенно отчетливо проявляет себя связь языка и тела.

Разговор о «женском письме», о специфике женского дискурса и его лингвистическом своеобразии неизбежно влечет за собой постановку вопроса о соотношении феминистической теории с художественным творчеством. Нельзя сказать, что «Второй пол» не затрагивал эту проблему, однако литературное творчество женщин Симона де Бовуар, за редким исключением (Колетт, Дж. Эллиот, В. Вулф – «по пальцам можно пересчитать писательниц, которым удалось одолеть данность в поисках ее сокровенного смысла» [22, с. 788]), ценила не слишком высоко, поскольку видела в нем проявление конформизма и отсутствие универсального взгляда на проблемы: «Женщина пока еще удивлена и польщена тем, что ее допускают в мир мыслей и искусства, то есть в мир, принадлежащий мужчинам. [...] Она делает ставку на надежные конформистские ценности и вносит в литературу лишь такие личные ноты, которые от нее ждут» [22, с. 785].

По мнению автора «Второго пола», обычная тематика «женской литературы» – описание любви и природы, душевные излияния, а обычная манера – любительская. Разумеется, Бовуар не отрицает потенциал женского творчества, более того, она подчеркивает: «...ситуация женщины а не какие-то ее таинственные особенности, объясняет пределы ее личностного развития. Следовательно, будущее широко открыто для нее» [22, с. 790]. Понимая литературу (а также живопись, философию) как «те сферы искусства, где мир переживают заново на основе человеческой свободы» [22, с. 788], Бовуар полагает, что перед женщинами-писательницами стоит не задача выражения «женственности», а напротив, выход за ее ограниченные пределы в область универсального и профессионального литературного творчества.

Через пятьдесят лет после появления «Второго пола» Поль Констан отмечает те же проблемы литературного творчества женщин-писательниц: «Когда мужчина пишет о мужчинах, он пишет о человеческом уделе; когда женщина пишет о женщинах, она создает

¹²Идея «молчания», «немоты» женщин в истории, отсутствия «женского дискурса» вплоть до последнего времени, при всей ее популярности, может быть, безусловно, оспорена: очевидно, что женщины высказывались – и часто очень весомо, начиная еще с античных времен.

¹³Следует заметить, однако, что желаемая феминизация языка – утопична, хотя бы потому, что, как заметила Каталина Сагарра Мартин, мужчины охотно поддерживают концепцию специфичности женского языка-тела, поощряют женскую иррациональность, ибо «она препятствует демистификации их (мужчин – Н.П.) власти» (Sagara Martín C. L'éternel féminin...P. 773).

женскую литературу. В течение двадцати лет я должна была отрещиваться от того, что я пишущая женщина. В течение двадцати лет я должна была доказывать, что, вовсе не отказываясь быть женщиной, которая пишет, я прежде всего – писатель» [31]. П. Констан полагает, что отношение к «женскому письму» делит писателей на две группы – его сторонников и противников, либо оценивающих эстетические качества такого письма негативно, либо отрицающих самое существование данного феномена.

Современная французская литература насчитывает длинный ряд писательниц-феминисток, сосредоточенных как на теоретической разработке, так и на художественном воплощении «женского письма». Новый язык феминистической литературы – это, как у Элен Сиксу, «язык тела», или, как у Шанталь Шаваф, «материнская речь». Анализ феминистических романов, представленный современными филологами, ярко демонстрирует, что при жанрово-стилевом разнообразии их (например, Ш. Шаваф разрабатывает популярный в постмодернизме жанр «автофикциональной биографии», Р. Детамбель ведет стилиевые поиски в духе писателей группы УЛИПО – Ж. Перека, Р. Кено и т. п. [32, с. 53–54, 65–66]) все их авторы охвачены стремлением запечатлеть в произведениях особый литературный язык, предполагающий даже не стиль (проявляющийся на уровне сознания), а «письмо» как бессознательное выражение женского «тела». Так, Шанталь Шаваф в романе «Залтарная картина» (Retable, 1974) и последующих сочинениях утверждает женственность посредством интенсивной сексуальности. «Тело, превращенное в язык письма или речи, дает жизнь словам и синтаксису», – полагает она. По ее мнению, в результате выработки «женского письма» «роман – более не техника художественного вымысла, он – работа жизни, заключенной в тюрьму и освобождающейся из нее посредством письма, подобно тому, как мать освобождается от бремени. Такой роман, биологический по своей природе и аффективный, позволяет приблизить чувственное» [32, с. 123]. Элен Сиксу в «Третьем теле» создает «раздражающее», провокативное письмо, восхваляющее освобождение женщины посредством деконцентрации, рассеивания повествования [6, с. 135].

Таким образом, для современных писательниц-феминисток на повестке дня стоит не борьба за социальные права женщин и освобождение нравов (в этой области, не без участия идей С. де Бовуар, уже достигнуто весьма многое, социальные требования были во многом удовлетворены), а утверждение женственности, женской идентичности посредством литературного творчества. Может быть, поэтому в середине 1980-х годов целостность феминистического движения уступила место наличию творческих индивидуальностей женщин-писательниц, не принадлежащих к определенному течению, движущихся – каждая – своим путем, создавая не общую идеологию, а личностное письмо. К писательницам такого рода А. Бурен относит Б. Бек, Ф. Саган, К. де Ривуайр, С. При, Ф. Малле-Жорис, Д. Мален и некоторых других [6, с. 137]. Сегодня, полагает литературовед, писательницы также стремятся продемонстрировать независимость от общих настроений, от выходящего из моды феминизма. Об этом свидетельствуют данные проведенного им опроса. Кристиана Барош, в частности, вспомнив обнаруженные ею при переезде на новую квартиру книги феминистического издательства «Фам», заявила: «Я не отрицаю их необходимости в семидесятые годы, но будем откровенны, перечитывать их было выше моих сил, опускались руки. Не осталось ничего, кроме немодных, конъюнктурных писаний, не имеющих литературных достоинств» [6, с. 137]. Другая писательница молодого поколения, Доминика Бона, признает за феминизмом историческую ценность: он был необходим, «когда женщины не имели права голосовать, когда их зарплаты были меньше, чем у мужчин. Сегодня этого, к счастью, нет. Мачизм, за некоторым исключением, исчерпал свое время. Женщины могут существовать свободно, фигурально выражаясь, не надевая брюк, т. е. не маскулинизируясь, но и, тоже фигурально, не надевая юбки, т. е. не сверх-феминизируясь» [6, с. 138]. Значение феминизма в прошлом признает и Анни Эрно: «Феминизм изменил литературу и жизнь (как мужчин, так и женщин). Для женщин-писательниц говорить о женском теле и эротизме – больше не преступление». Свою родословную она ведет при этом не только от активисток феминистического движения, но шире – от женщин-писательниц самого разного типа. По мнению Анн Браганс, «феминизм не является первоочередной заботой современных романисток», а для Кристины Лепарр «феминизм – лишь морщинка в стоячих водах французской женской литературы». Поль Констан, однако, считает, что «следы фемин-

нистических требований еще есть в автобиографических произведениях женщин, которые отчетливо стремятся говорить не так, как их матери» [6, с. 139]. И хотя современные молодые женщины не хотят быть феминистками, подчеркивает П. Констан, их романы содержат феминистические идеи уже потому, что представляют собой не «розовые» описания, а жесткие и жестокие жизненные наблюдения.

Признавая значение женственности, современные писательницы – эмансипированные, дипломированные, на равных с мужчинами встроены в общество, т. е. так или иначе пользуются плодами социально-политических движений феминизма и положений, высказанных в знаменитой книге С. де Бовуар¹⁴.

Можно заметить, например, что феминистическая литература во всех ее вариантах выступает против представления о женщине как субъекте, нуждающемся в обязательной встрече с Прекрасным принцем¹⁵. И в этом смысле так называемая «женская проза» (состоящая, прежде всего, из любовных романов), предназначенная практически исключительно для женщин-читательниц, противостоит феминистской прозе, даже той, которая использует «женское письмо» и апеллирует к анализу «женственности». Однако это не обозначает, что между двумя литературными течениями – собственно феминистическим и женским – не происходит своеобразного взаимообмена.

Так, экранизация некоторых феминистических произведений – в частности, книги Сюзанны Жакоб «Лора Лор» (1989, режиссер Бригитта Сорьоль) и «Самодельной повести» Маргарет Этвуд (1990, режиссер Фолькер Шлэндорф) – трансформирует их в «женские фильмы» [34, с. 92]. А Кристина Детре и Анна Симон, исследующие идеологию семейности у современных романисток, отмечают в их сочинениях парадоксальное смешение самых затертых «женских» клише и самой смелой «феминистической» порнографии: «хотя множество писательниц подчеркивают сексуальные способности и желания героинь, они все равно основываются на традиционной концепции любви, любовной пары и семьи» [35, с. 15]. По мнению ученых, уже издательская практика подобных романов построена таким образом, что авторов стремятся показать в их «естественной» женской роли матери и хранительницы домашнего очага. При том, что ни один мужчина-писатель не представлен читателям как «отец семейства, муж», независимо от тематики его сочинений, даже знакомя читателей со «специалисткой по нравоописательным эротическим романам» Ф. Реу, издатели сообщают, что она «замужем, имеет троих детей и преподает в деревенском колледже». Кроме того, в текстах самих романов, в их сюжетах смелая демонстрация женского эротизма сочетается с показом устойчивых женских функций – ведения домашнего хозяйства, воспитания детей (пример – последняя книга И. Фрэн «Счастье заниматься любовью на своей кухне и наоборот», 2004). В книге Камиллы Лоран «Любовь, роман» жесткие описания сексуальных сцен встреч с любовником чередуются с рассказом о супружеской жизни, героиня новелл Франсуазы Семпер смотрит порнографические фильмы, пока ее дети находятся в школе, и хранит кассеты с этими фильмами на кухонной полке, и т. д. В результате оказывается, что даже беспорядочный секс и множество любовников становятся либо средством создать семью, либо гарантией ее сохранения [35, с. 18–19]. Сопоставляя сюжеты романов и новелл о женской судьбе со статьями в женских журналах, ученые обнаруживают, что пропаганда сексуальной свободы, содержащаяся в этих изданиях, по существу, мало эффективна: большинство женщин не принимают подобной свободы. «Моральные ценности не исчезли с утратой влияния церкви, они стали светскими» [35, с. 23].

Пестрота картины женской литературы, включающей в себя «феминистическую» и «женскую» ипостаси, дополняется произведениями и авторефлексией тех писательниц, которых нельзя отнести ни к тому, ни к другому течению. Например, Николь Авриль вообще не считает, что женская литература – это нечто другое, нежели литература феминисти-

¹⁴Обзор современного феминистического романа 1990-х годов – К. Анго, М. Даррьёсек, Р. Дембелль, С. Жермен, М. Редонне и др. см. в кн.: G. Rye, Worton M. Women's writing in contemporary France: new writers, new literatures in the 1990s. Manchester: Manchester univ.press, 2002.

¹⁵«Феминизм – это когда не рассчитываешь на Прекрасного принца» – ироническое, но от этого не менее точное (и притом универсальное) определение феминизма, которое дал известный писатель начала XX в. Жюль Ренар.

ческая или мужская, она призывает: «Давайте работать, творить, создавать сильные произведения – и дискуссия (о «женской» или «феминистической» литературе – Н.П.) не будет иметь никакого смысла» [6, с. 139]. Ортанс Дюфур признается, что никогда не любила выражения «женская литература»: «...часто в моих книгах действует женщина. Однако порой обо мне в качестве комплимента говорят: “Она пишет, как мужчина”», а Ирен Фрэн высказывается еще решительнее: «Действие, которое совершает человеческое существо, обращаясь к литературе, по существу не имеет половых признаков, оно просто человеческое». В том же духе размышляет и Доминика Бона: «Женская литература – категория, выдуманная критиками, чтобы создать некую классификацию и тем облегчить чтение. Для меня нет нескольких литератур, нет нескольких человечеств». В конце концов, крайности такой позиции приводят к отрицанию не только литературной специфичности женских сочинений, но и «женственности» как таковой. В частности, молодая писательница, автор романа «Безголовая женщина» Марлен Амар говорит: «Я не верю в женскую специфичность, в особую женскую чувствительность. Я верю в силу образования, в биологическую, семейную, социальную наследственность, во влияние индивидуальной или коллективной истории. Когда роман хорош, мне кажется, у него нет пола» [6, с. 140].

В этом последнем утверждении нет, как кажется, ничего, что противоречило бы представлениям Симоны де Бовуар, женщины более широких воззрений, чем только феминистические. Закономерно, что Эстер Бенбасса, руководитель учебного процесса в Высшей школе практического образования при Сорбонне, обратившись в 2008 г. к анализу значения наследия С. де Бовуар для современности, увидела во «Втором поле» «не феминистский манифест, а выражение гуманизма» [36, с. 111]. Именно это обстоятельство является, с ее точки зрения, причиной непреходящей актуальности книги. При том, что полемика с идеями Бовуар продолжается до сегодняшнего дня, при том, что сегодняшние сторонники феминизма обращены к изучению отличия женщины от мужчины, к выявлению сущности «женственного», «поиск идентичности, который мы ведем любой ценой (а сегодня еще и в условиях быстро ширящейся глобализации), желание различия, которое в нас обитает, вовсе не делает ненужной рефлексию Симоны де Бовуар, напротив, выводит ее в центр современных забот. Разве право на различие не может сочетаться с проектом свободы, со стремлением взять в собственные руки ход своей жизни? Женщина, вечный Другой по отношению к мужчине, не пытается стать вторым мужчиной, но скорее стать финансово независимой, отвечающей за свою судьбу, женщиной, отстоявшей свою свободу, чтобы вести свободный диалог с мужчиной, для которого она по-прежнему остается Другим» [36, с. 111].

Современность творчества Симоны де Бовуар весьма наглядно демонстрируют материалы к столетию писательницы (2008) [37] и к 60-летию со дня выхода «Второго пола» (2009). Соглашаясь со Т. Стодером в том, что и сегодня Симона де Бовуар «вдохновляет феминистическую теорию, отнюдь не становясь экспонатом в воображаемом музее пионеров эмансипации» [37, с. 9], следует добавить, что писательница не меньше вдохновляет и художественную практику начала XXI столетия, являясь не объектом подражания, а активизирующей силой и примером свободного творческого созидания.

Список использованной литературы

1. Fraise G. Féminisme: appellation d'origine / G. Fraise // Vacarme. – 1997. – № 4–5. Mode of access: <http://www.vacarme.org/article1154.html>.
2. Flacelière R. Le féminisme dans l'ancienne Athènes / R. Flacelière // Comptes-rendus des séances de l'année. Académie des inscriptions et belles-lettres. 115-e année. – 1971. – № 4. – P. 698–706.
3. О современном «мужском» феминизме см. интервью: Lancelot-Viannet Th.: Le féminisme au masculin. Entretien avec M. Maruani et Ch. Rogerat // Travail, genre et société. – 2001. – № 5. – Mars. P. 5–15.
4. Albistur M. Histoire du féminisme français du Moyen Age à nos jours / M. Albistur, D. Armogathe. – P.: Des Femmes, 1977. – 232 p.

5. Agrippa de Nettesheim H.C. Sur la noblesse et l'excellence du sexe féminin, de sa prééminence sur l'autre sexe (1537). – P., 1990. – 138 p.
6. Bourin A. Aujourd'hui : roman féministe ou roman féminin / A. Bourin // Cahiers de l'Association internationale des études françaises. – 1994. – № 46.
7. Baupal F. Le féminisme au temps de Molière. La Préciosité féministe / F. Baupal. – P.: La Renaissance du Livre, 1926. – 197 p.
8. Offen K. Le gender est-il une invention américaine? / K. Offen // Clio. – 2006. – № 24.
9. О том, что термин «феминизм» «покрывает очень разные дискурсы и практики» см.: Fraisse G. Du bon usage de l'individu féministe // Vingtième siècle. Revue d'histoire. – 1987. – № 14. – Avril-juin. – P. 53. О постмодернистской феминистической литературе см.: Larue A. Fiction, féminisme et postmodernité. Les voies subversives du roman contemporain à grand succès. – P.: Garnier, 2010. – 154 p.
10. Bonnet M.-J. De l'émancipation amoureuse des femmes dans la cité. Lesbiennes et féministes au XX siècle / M.-J. Bonnet // Les Temps Modernes. – 1998. – Mars-avril. – № 598.
11. Hémond E. Les filles ont-elles peur du sport? / E. Hémond // Multisport. – Vol. 21. – № 2.
12. Rodgers C. Le deuxième sexe de Simone de Beauvoir. Un héritage admiré et contesté / C. Rodgers. – P.: L'Harmattan, 1998. – 342 p.
13. Kail M. Le masculin et le féminin. Sartre et Beauvoir, regards croisés / M. Kail // Sens public. Revue électronique internationale. – 2007. – 04. Mode of access: http://www.sens-public.org/article.php3?id_article=427.
14. Bard Chr. La crise du féminisme en France dans les années trente. L'impossible transmission / Chr. Bard // Les cahiers du CEDREF. – 1995. – № 4–5. – P. 13–27.
15. Stistrup Jensen M. La notion de nature dans les théories de l'écriture féminine // Clio. – 2000. – № 11.
16. Les héritages de Beauvoir. Un hommage de Christine Delphy. Mode of access: <http://1libertaire.free.fr/delphy5html>.
17. Benbassa E. Simone de Beauvoir, notre contemporaine? / E. Benbassa // 2050. La Revue de la fondation pour l'innovation politique. – 2008. – Avril. № 7.
18. Kristeva J. Le «Deuxième sexe» 60 ans après . 8 août 2009. Salon du Livre. Île de Ré. – Mode of access: <http://www.kristeva.fr/deuxiemesexe.html>.
19. Chaperon S. Une génération d'intellectuelles dans le sillage de Simone de Beauvoir / S. Chaperon // Clio. – 2001. – № 13.
20. Asue Ikasaki. Autour du « Deuxième siècle » de Simone de Beauvoir. Du féminisme égalitaire au féminisme différentialiste // Etudes de langue et littérature françaises de l'Université de Hiroshima. Departmental Bulletin Papers. – 2004. N – 23.
21. Chaperon S. La radicalisation des mouvements féminins français de 1960 à 1970 / S. Chaperon // Vingtième siècle. Revue d'histoire. – 1995. – Octobre-décembre. – № 48.
22. Бовуар С. де. Второй пол: В 2-х т. / С. де Бовуар. – М.; СПб.: Прогресс, 1997. – 832 с.
23. Saint-Hilaire C. Crise et mutation du dispositif de la différence des sexes: regard sociologique sur l'éclatement de la catégorie de sexe / C. Saint-Hilaire // Les limites de l'identité sexuelle / Sous la dir. De D. Lamoureux. Montréal : Les éditions du remue-ménage. – 1998.
24. Jeanson F. Simone de Beauvoir, ou l'entreprise de vivre / F. Jeanson. – P.: Seuil, 1966. – 345 p.
25. Sagara Martín C. L'éternel féminin ou la construction de l'altérité féminine // Actes du Xie colloque de l'Association des Professeurs de Philologie française de l'Université Espagnole. Université de La Rioja: Ed. CD, 2004.
26. Baril A. Judith Butler et le féminisme postmoderne : analyse théorique et conceptuelle d'un courant controversé. Mémoire. – Sherbrooke: Univ. De Sherbrooke, 2005. – 458 p.
27. Chaperon S. Simone de Beauvoir, cinquante ans après, le Deuxième sexe en héritage / S. Chaperon // Le Monde diplomatique. – 1999. – Janvier. – P. 23–34.
28. Cixous H. La Venus à l'écriture / H. Cixous. – P.: UGE, 1977. – 270 p.
29. Lamoureux D. Le paradoxe du corps chez Simone de Beauvoir / D. Lamoureux // Labyrinth. International journal for Feminist Theory and Cultural Hermeneutics. – 1999. – Vol. 1. – № 1. Mode of access: <http://h2hobel.phl.univic.ac.at/~iaf/Labyrinth/>

30. Irigaray L. Je, tu, nous. Pour une culture de la différence / L. Irigaray. – P.: Grasset et Fasquele, 1990. – 190 p.

31. Constant P. Qu'est-ce qu'une femme qui écrit? / P. Constant // Conférence à l'Ecole polytechnique de Zurich (Suisse) le 24 mars 1999. Mode of access: <http://www.pauleconstant.com/docs/UFQF.pdf>

32. Rye G. Women's writing in contemporary France: new writers, new literatures in the 1990s. / G. Rye, M. Worton. – Manchester: Manchester univ. Press, 2002. – 160 p.

33. Цит. по: Garcin G. Le Dictionnaire, littérature française contemporaine. – P.: Fr. Boivin, 1988. – 185 p.

34. Lahaie Chr. Alice s'en va au cinéma, ou comment museler le roman féministe / Chr. Lahaie // Recherches féministes. – Montréal, 1994. – Vol. 7. – № 2. – 125 p.

35. Détrez Chr. L'idéologie de familialisme chez les romancières contemporaines / Chr. Détrez, A. Simon // RiLUnE. – 2005. – № 1. P. 13–28.

36. Benbassa E. Simone de Beauvoir, notre contemporaine? / E. Benbassa // 2050. La Revue de la fondation pour l'innovation politique. – 2008. – Avril. № 7. – P. 105–119.

37. Simone de Beauvoir cent ans après sa naissance. Contributions interdisciplinaires de cinq continents / Sous la dir. de Th ; Stauder. – Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2008. – 134 p.

У статті досліджується соціокультурний та літературознавчий зміст поняття «фемінізм» у французькій культурі. Аналізуються варіанти та форми фемінізму у французькій літературі ХХ ст. Визначається специфіка гендерної проблематики у книзі С. де Бовуар «Друга стать».

Ключові слова: фемінізм, прецизійність, екзистенціальний фемінізм, гендерна проблематика.

The paper researches into the sociocultural and peculiar to literary studies meaning of the notion «feminism» in French culture. The researcher analyses variants and forms of feminism in French literature of the XXth century and defines the specific character of gender problematics in the book «The Second Sex» by Simone de Beauvoir.

Key words: feminism, précieux literature, existential feminism, gender problematics.

Надійшло до редакції 8.02.2011.